

Н.И. Короткова

Василий Фивейский

ВАСИЛИЙ ФИВЕЙСКИЙ — герой рассказа Л.Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (1903). Основная мысль рассказа, по словам писателя, в том, «что не философствующий, не богословствующий, а искренно, горячо верующий человек не может представить бога иначе, как бога-любовь, бога-справедливость, мудрость и чудо». «Если самому «смиренному», наисмиреннейшему, принявшему жизнь как она есть и благословившему бога, доказать, что на том свете будет как здесь: урядник, война, несправедливость, безвинные слезы — он откажется от бога».

Василий Фивейский верил в бога «торжественно и просто: как иерей и как человек с незлобливой душой», хотя с юности нес «тяжелое бремя печали, болезней и горя». Среди людей он был одинок, «над всей жизнью Василия Фивейского тяготел суровый и загадочный рок». Смерть невинного сына, безумство запившей попадьи впервые заставили его усомниться в разумности господних деяний, погнали его на простор, где «затерянный среди частых колосьев, перед лицом высокого пламенного неба» прозвучал его «торжественный вопль, так безумно похожий на вызов»: «Я — верю». А дальше «вечно лгущая жизнь» обнажала свои таинственные недра, но в помраченном сознании Василия Фивейского мелькала «чудовищная мысль: о каком-то чудесном воскресении, о какой-то далекой и чудесной возможности». Было время покоя и радости, но явился на свет сын, зачатый в безумии, и над всем стал господствовать страшный образ идиота, полуробенка, полужверя — злого и требовательного, громко кричащего животным криком. Тогда стал Василий Фивейский безучастным и спокойным, только «думал о боге, и о людях, и о таинственных судьбах человеческой жизни». От людей, приходивших к причастию, требовал он веры в чудо: «Его проси! Ну, проси!». Из мрака души своей, горя и сомнений гордо вопрошал: «Где же твой бог? Зачем оставил он тебя?» Вынув из петли чуть живую жену, он бросил в небо пронзительно и иступленно: «“И ты терпишь это! Терпишь! Так вот же...” — и высоко поднял сжатый кулак». Потом было многое: попытка снять с себя сан, сгоревшая попадьа, вновь испуганное «Я верю. Ты прав», молитвы без слов, мыслей и чувств, иступление, ощущение избранности, пути к новому подвигу. Стали бояться Знаменского попа, поговаривали о «новой вере». «Верую, господи!» — в агонии кричал Василий Фивейский, ощущая, как рушится мир в основах своих. Между верой и неверием мечется в поисках высшей истины отец Василий Фивейский. Но жуткая правда о пустоте неба и бессмысленности выпавших на его долю страданий убивает бунтаря, и только «из огненного клубящегося хаоса несется огромный громopodobный хохот, и треск, и крики дикого веселья». Страшный конец Василия Фивейского и есть «решение проблемы о смысле жизни».